

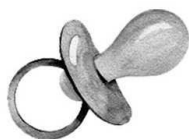
НАТАЛЬЯ
НЕСТЕРОВА

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет книги
НАТАЛЬИ НЕСТЕРОВОЙ

А в остальном, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА...
БАБУШКА НА СНОСЯХ
ВОСПИТАНИЕ МАЛЬЧИКОВ
ВЫЗОВ ВРАЧА
ВЫЙТИ ЗАМУЖ
ГОСТИ СЪЕЗЖАЛИСЬ НА ДАЧУ
ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ!
ДВОЕ, НЕ СЧИТАЯ ПРИЗРАКОВ
ДЕВУШКА С ПРИВЕТОМ
ЗА СТЕКЛОМ
ИСПЕКЛИ МЫ КАРАВАЙ
ИЩИТЕ КОТА
КОНКУРС КОМПЛИМЕНТОВ И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА
КОШКИ-МЫШКИ
ЛЮБОВЬ БЕЗ СЛОВ
МИЛОЕ ИСЧАДИЕ
НЕПОДХОДЯЩИЙ ЖЕНИХ
О ЛЮБВИ
ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ
ОТПУСК ПО УХОДУ
ПОЗВОНИ В МОЮ ДВЕРЬ
ПОЛИНА СЕРГЕЕВНА
ПОРТРЕТ СЕМЬИ
ПРОСТИТЕ МЕНЯ!
ПРО ДЕВУШКУ, КОТОРАЯ БЫЛА БАБУШКОЙ
СДЕЛАЙТЕ ПОГРОМЧЕ!
ТАТЬЯНИН ДОМ
ТОЧКИ НАД «Ё»
ТЫ НЕ СЛЫШИШЬ МЕНЯ
УКУС ЗМЕИ
УРАВНЕНИЕ СО ВСЕМИ ИЗВЕСТНЫМИ
ФАНТАЗЕРКА
ЦЕЛЮЮ РУЧКИ
ШКОЛА ДЛЯ ТОЛСТУШЕК

«ЖРЕБИЙ ПРАВЕДНЫХ ГРЕШНИЦ»
СИБИРЯКИ
СТАТЬ ОГНЕМ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
НАСЛЕДНИКИ

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

Бабушка
на сносях

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Фотография автора — Ян Сизов

Оформление переплёта — Екатерина Петрова

Нестерова, Наталья

Н56 Бабушка на сносях: [роман] / Наталья Нестерова. —
Москва : Издательство АСТ, 2022. — 352 с. — (Между
нами, девочками. Истории Натальи Нестеровой)

ISBN 978-5-17-148621-1

У Кирь Анатольевны всё идёт ровно и без потрясений: муж,
который живёт отдельно, любимый мужчина, который не может
уйти из семьи, прекрасный сын, обожаемая невестка и верная
подруга, всегда готовая броситься на помощь. Оставалось ждать
внука, который вот-вот порадует своим появлением на свет. Од-
нако бабушка-красавица сама оказалась на сносях и вопреки
здравому смыслу решила подарить себе дочь. Но что скажут род-
ные и близкие, поймут ли её? И Кира Анатольевна решила... ис-
чезнуть из их жизни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148621-1

© Н. Нестерова, 2022
Все права защищены
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОБЕГ

Сын

На планете Земля, в городе Москве, недалеко от метро «Шаболовская», в отремонтированной пятиэтажке находится удивительное место. Если бы я не считала действия «рамочников», отыскивающих с помощью двух рогаток воду под землей или участок для будущего храма, натуральным шарлатанством, то сказала бы, что моя кухня счастливым образом попала на источник земной благодати. В углу кухни, совершенно не гармонируя с остальной мебелью, стоит старое кресло. Потертая обивка целомудренно прикрыта наброшенным пледом. Случается, гость плюхается в мое кресло, вызывая у меня такой же душевный дискомфорт и смущение, как если бы он попросил поносить мое нижнее белье.

Когда, придя с работы или утром, едва разлепив веки, я сижу в кресле и пью крепчайший кофе, мир перестает меня волновать. Войны, землетрясения, террористические акты, дразги на работе, скандальные соседи, гололедица, жара, безденежье — все мимо. Проблемы, которыми я утыкана, как дикобраз иголками, отпадают. Дикобраз без иголок, наверное, похож на заурядную свинью. Пусть! Внешний вид в этот момент меня тоже не заботит.

Подобное психотерапевтическое место-кресло есть у многих людей. Во всяком случае, потертое кресло с наброшенным старым пледом описано во многих романах. Интересно, другие люди так же, как я, опытным путем свили себе воображаемое гнездышко?

Прочла статью в женском журнале о том, как избавиться от плохого настроения и плаксивости, если вас обидел начальник, изменил муж или любимая кошка попала под трамвай. Нынешние публикации под стать времени. Раньше было время раздумий, теперь — действий. Раньше в статьях пространно рассуждали, теперь дают конкретные упражнения по избавлению от комплексов. Упражнение предлагалось следующее: сесть на стул, закрыть глаза и снова припомнить все самые обидные, хлесткие, обжигающие слова, которые вызывают чувство собственной никчемности, или растерянности, или агрессии. Вернувшись в униженное состояние, хорошенько его прочувствовав, нужно встать со стула и мысленно оставить на стуле все обидные ощущения...

В искомом состоянии крайнего раздражения (уже не помню, по какому поводу) я плюхнулась в кресло и, не закрывая глаз, воскликнула:

— Да пошли вы все к чертовой бабушке! Стульев в доме не хватит оставлять на них идиотские обиды! Села и забыла! Сидю и не помню!

Но сегодня магическое кресло не действует. Я забралась в него с ногами, передо мной чашка кофе и пачка сигарет. Пропади все пропадом!

Крепкий кофе и табак мне вредны. Я беременна!

В сорок восемь лет и без пяти минут бабушка!

Последние несколько месяцев моей любимой темой в разговорах с подругами было прославление женского климакса. Отличный период! Ни тебе регулярных недомоганий и страхов запятнанной одежды, экономия денег и сплошная благодать! Я радовалась тому, что вступила в естественный возрастной период без сопутствующих горестей: депрессии, упадка сил, отливов-приливов. Живи и наслаждайся!

Двадцать шесть лет назад, когда я носила своего сына, в начале беременности регулярно прибегала к врачу:

— Он шевелится! Я чувствую!

— Еще рано, — охлаждала мой пыл доктор. — Это вы чувствуете биение брюшной артерии.

Поэтому и теперь я пришла к врачу, когда моя брюшная артерия что-то уж сильно и регулярно стала пульсировать. Как же, артерия! Восемнадцать недель, все сроки для аборта пропущены. Он уже шевелится.

Вот и сейчас: тук-тук, тук-тук. Я смотрю на свой живот — нисколько не вырос, все юбки сходятся, а внутри свернулся клубочком... Господи! За что мне?

Посетила я не одного, а группу врачей. С «артерией» пришла к хирургу, он отправил меня к гастроэнтерологу. Испуганным носителем экзотической болезни я переползала из кабинета в кабинет районной поликлиники, пока не оказалась у гинеколога и не услышала приговор. Отказалась верить, бросилась в платный медицинский центр, к «женскому специалисту», берущему за прием полторы тысячи рублей. Он диагноз подтвердил и подробненько обрисовал перспективу.

В моем преклонном возрасте очень велик риск родить дауна или какого другого урода. Кроме того, если в моем теле имеется микроскопический зачаток опухоли, то во время беременности она расцветет пышным цветом. Научно-популярную лекцию мне прочитал, денежки отработывал:

— Ежесекундно в организме человека образуются сотни раковых клеток. Но другие клетки, так называемые киллеры, их подавляют. Во время беременности, когда все силы организма направлены на то, чтобы вырастить и выносить плод, иммунитет матери резко ослабевает, активность киллеров падает. Поэтому строжайше запрещено рожать женщинам, перенесшим онкозаболевания или с подозрениями на них. По этой же причине позднородящие мамы, и особенно имевшие большой перерыв между родами, редко доживают до совершеннолетия своих чад.

Словом, перспектива у меня получается радужная дальше некуда — произвести на свет кретина, который к тому же станет моим могильщиком.

Доктор, лысоватый сорокалетний мужчина с таким гладким лицом, словно никогда не бреется, смотрел на меня профессионально ласково и сочувственно. Он уже дав-

но имеет дело с женщинами, причем с психически неуравновешенными.

Ведь его пациентки либо страдают от нежеланной беременности, либо никак не могут понести. А если они счастливо ждут ребенка, то с головой у них все равно непорядок, именуемый психозом беременных. Очевидно, доктор укрепился в мысли, что с нами надо разговаривать как с детьми или умственно отсталыми — спокойно и доброжелательно, но припугнуть, если надо.

Врач прямо не сказал, а намекнул, что помочь мне можно. По медицинским показаниям беременность можно прервать на любом сроке. Очевидно, это дело противозаконное, потому что доктор ходил кругами. Рассказывал, что в сумасшедших домах (хорош примерчик!) или в фашистских концлагерях (того краше!) методику давно отработали.

— Но вы не пугайтесь! — жужжал он. — У вас может обнаружиться... как бы обнаружится, заболевание сердца или та же онкология.

— А как это на практике происходит? — проямлила я.

— Не думаю, что пациенткам следует это знать.

Но вы, Кира Анатольевна, человек образованный, передовой, следовательно, дотошный, поэтому вкратце объясню. Все под наркозом! В полость матки вводят специальный раствор, плод погибает, вызываются искусственные роды. Все под наркозом, — повторил он. — Через месяц будете вспоминать это как страшный сон, не более.

Вздыхнуть свободно? Забыть? Страшный сон?

Это мечта из мечт... мечтов... мечтаний — запуталась. Действительно, голова не варит, хотя и кипит.

С доктором я попрощалась, сказала, что подумаю. Он дал мне номер своего сотового телефона.

Если соглашусь на операцию, по телефону скажет ее стоимость и назовет дату. Конспиратор!

Тук-тук, тук-тук. Опять! Тебе там не сидится?

Чувствуешь, что конец приближается? Кто, интересно, мальчик или девочка? Сейчас уже хорошо видно, наверное. Сердце бьется, ручками-ножками шевелит... А мы за-

льем его формалином или кислотой — чем там они травят, вытащим на свет — еще не человека, но уже и не зародыш...

Не заметила, как выпила кофе и выкурила сигарету. Вдруг испугалась. Чего? Мне не вредно, а ребенка не будет. Или будет?

Я редко испытываю ненависть к людям. Все мы в общем-то похожи: чуть лучше, чуть хуже, умнее, глупее — нет оснований для бурных страстей. Но однажды я испытала острую, ослепляющую ненависть к человеку. Делала аборт, единственный в жизни, воспоминание не из приятных. На соседнем кресле женщине сказали, что у нее срок больше положенного, но операцию могут сделать, ведь у нее уже двое детей. Она встала и попросилась подумать. Меня везли из операционной на каталке, а женщина все ходила по больничному коридору и «думала». В затуманенном сознании у меня промелькнуло: «Как же можно, вот так, в коридоре маршируя, решать судьбу человека?» На следующий день я увидела ее в столовой. Аборт она сделала и с аппетитом уминала сиротский больничный суп. У меня руки задрожали от негодования, куска не могла проглотить, желчью захлебывалась. Прекрасно сознаю, что какой-нибудь психоаналитик объяснил бы мою жестокую ненависть к посторонней женщине тем, что я переношу на нее собственные угрызения и раскаяния. Пусть психоаналитик будет тысячу раз прав! Но если бы мне выдали в ту минуту лицензию на отстрел людей, я бы, не колеблясь, убила мать двоих малышей. И сейчас вспоминаю о ней как о великой злодейке.

Теперь вопрос. Чем я в данную минуту отличаюсь от той «злодейки»? Ребенок, который во мне тук-тукает, имеет не меньшее право на жизнь, чем мой первый (уже первый!) горячо любимый сын Лешка. Младенец, не исключено, даун или урод. А почему дауну отказано видеть солнце, улыбаться, пачкать пеленки? Он может свести меня в могилу.

Ну и что? Рано или поздно я неизбежно там окажусь. В природе задумано: семечко умирает и дает жизнь дру-

гим семечкам. И та же природа не предусматривала мое субъективное волеизъявление — оставить ребенка или убить.

Куда меня занесло? В примитивно философские дебри. А что говорят великие философы из женоненавистников? «Все в женщине загадка, а отгадка называется беременностью», — кажется, Ницше.

Ваше научное преосвященство, а как именуется прерванная на большом сроке беременность? Молчите? Вот и я не знаю.

Жутко хочется еще кофе и никотина. У меня низкое давление, кофе ежедневно литрами потребляю. Кофепродоводящим компаниям давно пора предоставить мне большую скидку на свою продукцию. То же самое касается табачных фабрик. Из тридцати последних лет я не курила и не глушила кофе только два года — пока была беременна Лешкой и кормила его грудью.

Если я не собираюсь оставлять ребенка, то почему с такой ненавистью-вожделением смотрю на пачку сигарет и на кофеварку?

* * *

Открылась входная дверь и захлопнулась. Возня в прихожей, чмокание, хихиканье. Пришли дети. Лешка и Лика. Мой сын и его жена. Целуются, наверное. В домашние тапочки переобуваются и целуются. Можно подумать, в лифте они не тем же самым занимались, о высшей математике говорили.

А вот приложится ли сыночек к щеке родной мамы? У нас в семье было принято ушел-пришел отмечать прикосновениями к близким. А родители Лики — из другой, пуританской, секты. Когда на их серебряной свадьбе народ требовал «горько!», они, каменея от стыда, вытягивали губы трубочкой и едва касались друг друга. Мать Лики, она мне кто? Сватья? Так вот, сватья баба Бабариха весь вечер сидела пунцовая, как помидор.

Между тем целомудренный физический контакт между близкими людьми, он же дежурный поцелуй, я считаю прекрасным обычаем, ведь мы не так часто говорим друг другу приятные вещи.

Хотя был поцелуй Иуды. Как там по библейской легенде? Иуда согласился предать своего учителя за тридцать сребреников, и его поцелуй должен был указать стражникам на Иисуса. Фреска Джотто «Поцелуй Иуды». Их лица очень близко, они за секунду до поцелуя: прекрасное лицо Христа с высоким лбом и ясным взглядом и безобразный профиль Иуды со злыми глазами под низким лбом. Христос знал о предательстве и подставлял щеку...

Я думала о фресках, когда Лика, пропорхнув через кухню, подскочила ко мне и поцеловала в щеку.

— Здравствуйте, Кира Анатольевна!

— Здравствуй, ребенок! — отвечаю я.

Значит, Джотто? Тогда неизвестно, кто из нас Иуда. Скорее всего, я. Потому что, если бы я мечтала о дочери, если бы я имела ее и воспитала, как хотела, у меня бы все равно не вышло такой, как Лика, моя невестка. Всем нам: родителям Лики, Лешке, мне — часто хочется закатать ее в прозрачный пластик, чтобы обезопасить от грязи, пыли, царапин внешнего мира.

— Маман! Привет! — В другую щеку меня целует сын.

Нынче я у него «маман». От двух Лешкиных лет до его же пятнадцати я была исключительно «мамочкой». Потом он звал меня «мутер», как бы на немецкий манер. А на первом курсе института появилось лихое «мать», и вызвало у меня бурю протеста: «Я тебе не мать! Сам ты мать!» Короткий период продержалось «мамуля», и вот уже второй год я «маман».

— Представляешь! — Лешка поднимает крышки кастрюль в поисках ужина. — Лика купила фен, а он сдох через две секунды. Она пошла в магазин менять, а ей там не то что не поменяли, а задурили голову и еще всучили утюг дорожный на батарейках. Утюгу цена три сотни, а они слупили тысячу — вся ее стипендия. Во приколы! Лика, отдай

маман квитанции и электроприборы. Что мы едим? Не врубаюсь: где ужин?

Подтекст понятен? Лика, девушка тонкой организации, не может объясняться с хамоватыми продавцами, а маман обязана. И ужин не приготовлен, опять маман плохо службу несет.

— Кира Анатольевна? — спрашивает Лика. — Вы себя плохо чувствуете? Отдохните в комнате, а мы приготовим. Хорошо?

— Нет. — Я поднимаюсь из кресла. — Ты иди полежи, целый день на ногах. Я вас позову. Нет, нет! — отмахиваюсь от предложений помощи. — Здесь накурено, иди, не дыши!

— Иди, не дыши! — подхватывает Лешка, обнимает жену и уводит.

Лика беременна, двадцать недель. У меня на две меньше, что неудивительно. Когда они поженились, я трезво рассудила: лучшее свадебное путешествие — это когда в привычной обстановке и никто не мешает. Иными словами, отселять надо не молодых, а самим от них отъезжать. И я взяла путевку в сочинский санаторий. Там случился курортный роман. Или маленькая повесть, рассказик?

Ответ на этот вопрос не дает мне покоя.

Переворачиваю рыбное филе на сковородке и казню себя. Почему я вдруг почувствовала неприязнь к Лике? Еще вчера я бы забрала у родного сына почку, чтобы отдать ей. Еще вчера... еще сегодня утром я не верила до конца, что ношу ребенка.

Когда Лешка решил жениться, только ленивый из друзей и знакомых не сказал мне: отговори сына. Нынче, мол, никто не женится, все живут.

То есть живут, живут, пока перезреют, что именуется «проверяют свои чувства», потом расписываются и рожают детей. Мол, это свидетельствует о цивилизованности общества, о серьезном и ответственном отношении к такому институту, как брак.

А для меня, если бы Лешка жил и жил с Ликой, не взваливая на себя никаких обязательств, было бы самое обрушительное из всех возможных разочарований — разочаро-

вание в сыне. Я вырастила трусливого приспособленца?

Кроме того, только дурак не мог сообразить, что Лику нужно приковывать к себе немедленно и крепко. Лика — это Божий подарок. Третий подарок Всевышнего моему сыну. Первые два — мы с отцом. От меня Лешка взял стройную фигуру и неземную красоту, от отца — часть интеллекта.

Хорошо, что только часть. Если бы ему достались все отцовские мозги и он их приумножил, я бы отправилась в монастырь.

О Лике нельзя сказать, красивая она или безобразная. Вернее, или красивая, или безобразная.

Одни люди немеют от ее вида, другие внутренне перегиваются. На лице все не правильно: форма сердечком, очень большие глаза и высокие брови, губы узкие, хотя и волнующе очерченные. При этом кожа потрясающей персиковой гладкости. В романах Вальтера Скотта или Теккерея полно девушек с прекрасной кожей. Но как они сохранились в наши дни, вскормленные на докторской колбасе и нитратной картошке? Росту Лика предлинного — метр восемьдесят шесть. Наденет каблуки — и возвышается над Лешкиными метр девяносто. Когда я вертикально оказываюсь рядом, то задираю голову, разговариваю с ними как страус с жирафами.

Внешность (я в группе тех, кто Лику считает небесно прекрасной) — полдела. Не видели мы красоток с погатым характером? Нрав у Лики мягкий и железобетонно добрый. Точно девушка воспитывалась исключительно на великой русской литературе, с ее идеями женской чистоты, преданности и самоотверженности. Лика в меру наивна и глупа, хотя очень умна — на отлично учится в Финансовой академии, а там сплошная математика. Я могу про Лику написать тысячу слов, но достаточно одного, уже упомянутого. Подарок! Нам с Лешкой Подарок!

И вот к этой подарочной девочке я вспылала почти ненавистью. Объяснение простое, как две копейки. Вчера расклад нашей жизни на несколько лет вперед был ясен. В пик добродетей, друзьям и родным, которые в ужас пришли: